

Французская

Норвежская

XXIX

•

Альфонс Доде
ТРИСТА ТЫСЯЧ ФРАНКОВ, КОТОРЫЕ МНЕ
ОБЕЩАЛ ЖИРАРДЕН

Не случилось ли вам выйти из дому с легким сердцем и, беспечной походкой побродив часа два по Парижу, вернуться домой подавленным, охваченным какой-то беспричинной тревогой, неизъяснимой грустью? Вы спрашиваете себя: «Что со мной такое?..» Но сколько бы вы ни ломали себе голову, объяснения так и не найти. Все как будто сошло удачно, на улице сухо, пригревает солнышко, а, между тем, вы ощущаете в сердце какую-то болезненную тоску, словно вам довелось пережить что-то тяжелое.

Суть в том, что в огромном Париже, где люди в толпе чувствуют себя свободными и их не стесняют посторонние взгляды, вы не можете сделать шагу, чтобы не натолкнуться на какое-нибудь безысходное горе, которое забрызгает вас и оставит по себе неизгладимый след. Я имею в виду не только горести, о которых мы знаем, к которым не безучастны, — горести наших друзей; это ведь немножко наши собственные горести, и сердце наше, когда мы встречаемся с ними, сжимается, словно от угрызений совести; я говорю даже не о несчастьях людей нам чужих; мы слушаем о них лишь краем уха, и все же это нас расстраивает. Я имею в виду бедствия, совершенно нас не затрагивающие, лишь на миг мелькнувшие перед нами в спешке и движении, среди уличной сутолоки.

Это обрывки разговоров, перебиваемые стуком колес, людские заботы, ко всему слепые и глухие, которые говорят сами с собой, но во весь голос, — это поникшие плечи, безумные жесты, горящие лихорадочным блеском глаза, бледные, распухшие от слез лица, черный креп свежего траура... Затем еще мелочи, подхваченные нами на лету, едва замеченные. Потертый, тщательно вычищенный, старающийся не бросаться в глаза воротник, безголосая шарманка, вертящаяся впустую где-нибудь в подворотне; бархотка на шее горбуни, аккуратным бантиком беспощадно подчеркивающая изуродованные плечи...

Все эти картины чужого горя быстро улетучиваются из памяти, и вы

забываете их тут же, на ходу, но они задели вас

своей печалью, ваша одежда пропиталась тоской, которую они за собой влачат, и к концу дня вы чувствуете, что они всколыхнули всю жалость и сострадание, таившиеся на дне вашей души, ибо вы, сами того не сознавая, где-нибудь на перекрестке улиц или у порога дома зацепились за невидимую нить, которая связывает воедино все человеческие горести и, задевая в одном месте, вздрагивает вся от начала до конца.

Я думал обо всем этом как-то на днях, утром, — ведь Париж главным образом по утрам обнаруживает свои язвы, — глядя на шедшего впереди меня человека в жалком, кургузом пальтишке, особенно подчеркивавшем длину его шагов и придававшем какую-то неестественность всем его движениям. Согнувшись в три погибели и качаясь, словно колеблемое ветром дерево, человек этот шел очень быстро. Время от времени он опускал руку в задний карман и отламывал кусочек хлеба, который тут же украдкой съедал, словно ему было стыдно есть на улице.

Вид каменщиков, сидящих на тротуаре и с удовольствием уплетающих краюху свежего хлеба, пробуждает во мне аппетит. Мелкие служащие тоже будят во мне зависть, когда они, заложив перо за ухо, бегут из булочной к себе в контору, оживленные завтраком на свежем воздухе. Но здесь проглядывал стыд истинно голодного человека, и жалко было смотреть на этого бедняка, решавшегося класть себе в рот только крошки хлеба, которые он отщипывал от куска, запрятанного глубоко в карман.

Я с минуту следил за ним, но вдруг, — как это бывает у подобного рода сбившихся с пути субъектов, — внезапная перемена мысли и направления: он повернул обратно и чуть не столкнулся со мной.

— Это вы? Какими судьбами?

Случайно я его немного знал. Делец из тех, которые в таком изобилии водятся на мостовых Парижа, прожектёр, основатель сногшибательных газет, сумевший за короткое время устроить себе громкую рекламу и вызвать шум в печати, он каких-нибудь два — три месяца тому назад словно в воду канул, потерпев ужасный крах. В продолжение нескольких дней на месте его исчезновения крутился водоворот, затем поверхность сгладилась, выровнялась, и о нем перестали говорить.

Увидев меня, он смутился и, дабы предупредить всякие расспросы, а также чтобы отвести мой взгляд от своей непрезентабельной одежды и грошового хлебца, он заговорил быстро, деланно оживленным тоном... Дела его хороши, очень хороши... Это была лишь временная заминка... В настоящий момент у него в руках новое, замечательное дело... Большая промышленная газета с иллюстрациями... Огромный капитал...

Наивыгоднейшие объявления...

По мере того как он говорил, лицо его оживлялось. Спина выпрямилась. И мало — помалу у него явился покровительственный тон, словно он уже сидел у себя в редакторском кабинете и даже заказывал мне статью.

— Понимаете, — с торжествующим видом продолжал он, — это верное дело... Я в него вкладываю триста тысяч франков, которые мне обещал Жирарден!

Жирарден!

Это то самое имя, которое всегда является в устах подобного рода мечтателей, фантазеров. Когда его произносят в моем присутствии, у меня перед глазами вырастают новые кварталы, недостроенные величественные здания, пахнущие свежей краской газеты со списком пайщиков и членов правления. Сколько раз приходилось мне слышать в связи с какими-нибудь безумными затеями: «Надо будет потолковать об этом с Жирарденом!»

И у этого бедняги, видимо, тоже явилась мысль «потолковать об этом с Жирарденом». Он, наверное, всю ночь вынашивал свой план, выводил столбики цифр, после чего вышел из дому и на ходу так взвинтил себя и дело показалось ему до такой степени заманчивым, что в момент нашей встречи ему не верилось, чтоб Жирарден не дал ему этих трехсот тысяч франков. И, говоря, что Жирарден обещал ему их, этот несчастный не лгал — он просто продолжал мечтать!

Пока он мне все это рассказывал, нас толкнули и прижали к стене. Это происходило на тротуаре одной из оживленных улиц Парижа, ведущей от биржи к банку и переполненной спешащими, рассеянными людьми, озабоченными лавочниками, бегущими выкупать свои векселя, биржевыми зайцами, на ходу шепотом бросающими друг другу цифры. И когда он стал сообщать мне все свои блестящие планы среди этой толпы, в квартале спекулянтов, где так ясно ощущаешь спешку и горячку азартной игры, меня охватила дрожь, словно я, находясь в открытом море, услышал рассказ о кораблекрушении. И я собственными глазами видел все, о чем рассказывал этот человек, читал историю его неудач на лицах других людей, узнавал его надежды, сиявшие в других блуждающих взорах...

Он покинул меня так же неожиданно, как и подошел; он очертя голову бросался в водоворот безумств, мечтаний и лжи, в то, что все эти люди серьезным тоном называют «делами».

Через пять минут я уже забыл о нем, но вечером, придя домой и стряхивая с себя вместе с уличной пылью все дневные тревоги, я снова увидел перед собой его бледное, измученное лицо, грошовый хлебец и

жест, сопровождавший его пышные слова: «Триста тысяч франков, которые мне обещал Жирарден!..»